

другие авторские саранские изменения в тексте в редакцию *ВЛЭ* не перешли.

В собрании сочинений М. М. Бахтина воспроизводится текст белого автографа 1940 г. (*БА*), позднейшие дополнения автора на полях машинописи не сохраняются в тексте и даются отдельно под строкой курсивом как особые примечания со значком 1*. Сохраняется утвержденное автором при подготовке *ВЛЭ* общее название саранского варианта, написанное же автором в 1967 г. начало саранского варианта печатается отдельным текстом как «**Из предыстории романного слова (Саранск)**». Под тем же титулом печатается отдельно и написанный автором для саранского издания завершающий абзац статьи.

Тезисы автора к докладу 1940 г. также печатаются отдельно: «<Слово в романе (К вопросам стилистики романа). Тезисы>».

Лаконичная и несовершенная публикация в *ВЛ* в августе 1965 стала событием, положившим начало международной известности М. М. Бахтина-теоретика: она была чрезвычайно быстро отмечена Юлией Кристевой в докладе «Бахтин, слово, диалог и роман» — и даже можно сказать, что это первое выступление в мировой бахтинистике она в немалой мере вызвала («*Critique*», 1967, t. 23, № 239, p. 438—465): «Чуждый технической строгости, характерной для лингвистов, обладая вдохновенной, а временами и просто пророческой манерой письма, Бахтин ставит коренные для современной структурной нарратологии проблемы, что и придает актуальность его текстам, к созданию которых он приступил около 40 лет тому назад» (см.: *Pro et contra*, т. I, с. 213, 215; пер. Г. К. Косикова).

Дипломная работа Т. П. Ломтева

К. БРАНДИСТ, Е. ЧОУН

Николай Алексеевич Паньков сделал много важных вкладов в качестве исследователя в русских архивах и выявил ряд новых важных материалов и документов. Такая работа добавила много к нашему пониманию работы Круга Бахтина в частности, с публикацией материалов, держащихся в личном деле Валентина Волошинова в Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), который держится в фонде Российской ассоциации научно — исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), отмеченным особенно важным. Поэтому мы посчитали этот документ подходящим, чтобы презентовать его в честь Николая Алексеевича.

Публикуемый материал представляет собой дипломную работу Тимофея Петровича Ломтева (1906—1972 гг.), написанную им в 1930 г., по окончании курса обучения в Воронежском государственном университете. Текст работы прилагался к ходатайству ВГУ о зачислении Ломтева в аспирантуру Научно-исследовательского института языка и литературы (ИЯЛ). Оригиналы обоих документов хранятся в ГАРФе, в личном деле Т. П. Ломтева (ф. А-4655, оп. 2, ед. хр. 586). Дело, в свою очередь, входит в состав фонда РАНИОНа, в ведении которой находился и ИЯЛ. Сохранился также отзыв* на работу подписанный Г. К. Даниловым (1896—1937 гг.), впоследствии — коллегой Ломтева в НИЯЗе (Научно-исследовательском институте языкознания) и его соратника по «Языкфронту»**.

Из всех ныне известных трудов Т. П. Ломтева, посвященных проблеме соотношения марксистской и лингвистической мысли, данная работа, несмотря на ее некоторую стилистическую шероховатость, является примером наиболее взвешенного и аргументированного разбора этого вопроса. От резко полемических статей Ломтева того периода, написанных в разгар дискуссий по поводу марризма и альтернативных ему теорий, данное дипломное сочинение отличается глубокий анализ и достаточно высокий уровень философских суждений автора о языковой системности. Именно поэтому здесь легко прослеживается динамика зарождения и становления философских и методологических воззрений Ломтева как исследователя. Надо отметить, что в начале 1930-х гг. его, в силу разных обстоятельств, больше занимают вопросы философии и идеологии языка, нежели проблемы чисто лингвистического толка. Так, по окончании аспирантуры в 1931 г. он получает должность в НИЯЗе, где вскоре начинает заведовать методологическим отделом института, отвечающим за идеологическую актуальность «корректности» осуществляемых в его стенах проектов. Одновременно молодой исследователь становится одним из основных теоретиков и пропагандистов «Языкфронта», наряду с Г. К. Даниловым, Я. В. Лоя и др. Таким образом, философская основа научной деятельности Ломтева в то время была уже достаточно четкой, тогда как его лингвистическим способностям, по свидетельству различных прямых и косвенных источников, еще предстояло развиваться.

В предлагаемой работе современному читателю может показаться особенно интересным конструктивный разбор Ломтевым книги В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» (1929 г.); книга, как известно, была написана последним в период его работы в Научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), деятельность которого во многом перекликалась с деятельностью московского ИЯЛа. Ранние наброски «Марксизма и философии языка», который в наше время уже неоднократно переиздавался, были обнаружены в том же фонде.

Ломтев справедливо критикует Волошинова за поспешность, с которой тот соотносит работу Гумбольдта*** с традицией «индивидуалистического субъ-

*Ф. А-4655, оп. 2, ед. хр. 586, л. 4, 5

** «Языкфронт» — группа лингвистов, в 1930—1932 гг. оспаривающих монополию марристов на право называться «марксистами в языкознании».

*** Речь идет о работе «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода», пер. Билярского, СПб., 1859.

ективизма» фосслеровской школы. Он также принципиально не соглашается с замечаниями Волошинова в адрес Соссюра, аргументируя это тем, что тот неверно трактовал соссюрсовское представление об онтологическом статусе языковой системы. По мнению Ломтева, позиция самого Волошинова во многом близка к критикуемому им индивидуалистическому субъективизму, и, таким образом, едва ли свободна от идеализма и излишнего психологизма.

Публикуемое дипломное сочинение не содержит каких-либо переключек с лингвистическими теориями Н. Я. Марра. Тем не менее, одна из его более ранних работ, «Платон Лукашевич (около 1809 — 1887 гг.) как предвестник яфетической теории» (ГАРФ, ф. А-4655, лл. 71—88), посвящена поиску возможных предшественников автора «нового учения о языке». Данная работа Ломтева, также написанная им в годы обучения в ВГУ, заметно уступает дипломному сочинению в зрелости и глубине, однако она представляет несомненный интерес с точки зрения истории вопроса. Текст ее оригинала прилагался к упомянутому выше ходатайству, наряду с публикуемым здесь дипломным сочинением. Интересно, что Г. К. Данилов, рецензирующий обе работы Ломтева, позже включил вопрос о теоретических воззрениях Лукашевича в программу своего курса «Истории науки о языковедении». Не усматривая непосредственной связи между идеями лингвиста Н. Я. Марра и этнографа П. А. Лукашевича, Ломтев, тем не менее, отмечает целый ряд параллелей в работах этих исследователей. Примечательно, что поздние труды Лукашевича снискали автору «славу» душевнобольного. Как известно, подобную же оценку заслуживали порой и исследования Марра, достаточно вспомнить, например, комментарии Н. С. Трубецкого в одном из его писем за 1924 г. (см. *Письма и заметки Н. С. Трубецкого*, М: Языки славянской культуры, 2004. С. 74—75). Однако не исключено, что причина отмеченных сходств в работах этих исследователей отчасти кроется во вдохновлявшем их общем философском источнике — психологии народов (*Völkerpsychologie*). Вопрос о влиянии этого течения на российское до- и постреволюционное языкознание поднимается и в публикуемой работе Т. П. Ломтева.

При редактировании текста были сохранены некоторые пунктуационные и орфографические особенности оригинала, отражающие индивидуальный стиль автора и специфические черты русского правописания соответствующего периода, а также авторские особенности оформления основного текста и сносок.

К. Брандист, Е. Чоун

Понятие языка в марксистском освещении

Т. П. Ломтев

ГАРФ ф. А-4655, оп. 2, д. 586, л. 21—70.

Следует отвергнуть превратное представление, будто (какая-либо) система должна быть признана совсем ложною, а истинная система напротив — лишь противоположно ложной... Истинная система не может поэтому находиться к ней (низшей системе, Л. Т.) лишь в отношении противоположности, ибо это противоположное было бы само односторонним. Напротив, как высшее, она должна содержать в себе низшее.

Гегель.

Введение

С марксистской точки зрения совершенно очевидно, что теория материалистической диалектики и является всеобщим методом познания природы и общества, в том числе, и человеческого мышления. Это положение основывается на той мысли, что диалектика как теория, соответствует объективным процессам, совершающимся независимо от сознания человека. Эти процессы — суть процессы динамические, в своем развитии они подчинены диалектическим законам независимо от всякой диалектики, как субъективного сознания человека. Весь смысл диалектики, как теории, в том и заключается, что она соответствует объективной действительности и дает человечеству правильную ориентацию в вопросах субъективной деятельности. Диалектика, как теория, является обобщенным результатом тысячелетней практики человечества, отражающим диалектику бытия. Излагая Маркса по этому вопросу, Энгельс говорит: «Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения внешнего мира»¹. Представляя собою всеобщую методологию, теорию познания вообще, она обязательна для всех специальных дисциплин; и в том случае, если некоторые положения последних противоречат основным законам материалистической диалектики, то эти положения должны быть признаны не соответствующими объективным фактам. Такой взгляд среди марксистов считается общепринятым. ДЕБОРИН, например, говорит, что «метод диалектического материализма является результатом всей совокупности человеческого знания. Поэтому он не может быть опровергнут частными, случайными фактами, которые сами подлежат критической проверке с точки зрения общей методологии»². Наше время, есть время пе-

¹ ЭНГЕЛЬС, Людвиг ФЕЙЕРБАХ, М. 1918 г., стр. 58.

² ДЕБОРИН, вступительные замечания к конспекту «Науки логики» ЛЕНИНА, «Подзн[аменем]. Мар[ксизма].», 1925г., № 1—2, стр. 5.

реоценки старых ценностей. Все основные положения специальных дисциплин пересматриваются под углом зрения диалектического метода. Большинство наук, по признанию многих марксистов, переживают теперь методологический кризис. Диалектика широкой волной разливается по всем отраслям человеческого знания. «Мы стоим, — пишет акад. ДЕБОРИН, — перед огромными проблемами обще-научного характера, диктуемыми как развитием естествознания, так и общественными сдвигами. Быть может, не будет преувеличением сказать, что мы стоим перед новой революцией в области мышления. [указание на конец цитаты в оригинале отсутствует — *ред.*] «Если диалектический метод, — продолжает он, — благодаря Марксу дал возможность совершить переворот в области обществознания, то этого далеко еще нельзя сказать об естествознании, где сила традиции была слишком велика, чтобы можно было легко преодолеть предрассудки метафизического способа мышления»³. Еще в большей степени «этого нельзя сказать» об языкознании. Там сила традиции была не менее велика, и метафизические способы мышления далеко еще не вытеснены диалектическими. Языкознание в этом отношении занимает даже менее выгодное положение, чем естествознание. Если теоретические проблемы последнего уже не раз привлекали к себе внимание научной общественности, то аналогичные вопросы языкознания далеко не пользовались таким успехом: их разработка не привлекла столь широкое участие представителей теоретической мысли. Эта сравнительная отсталость, видимо, объясняется тем фактом, что в эпоху великих социальных сдвигов лучшие умы выдвигающегося класса мобилизуются им для разрешения основных вопросов его первоначального устройства. Человеческая мысль тогда больше занята практическими вопросами действительности и у нее не остается ни времени, ни внимания на теоретическую разработку законов последней. И только после того, когда социальные процессы, взволнованные крупными сдвигами, войдут в более или менее спокойное русло, теоретическая мысль тогда приобретает твердую почву для своего развития. Новые классы создают тогда нечто новое, как в области философии, так и в области других наук. Так было в эпоху восхождения буржуазии, так есть теперь, в эпоху восхождения пролетариата. В этом всеобщем подъеме наук приобретают более быстрый темп своего развития те из них, которые по своему существу ближе всего удовлетворяют запросы строящегося социализма. В этом отношении языкознание далеко не стоит на первом месте. И если переворот в естествознании далеко еще не закончился, то в языкознании, как науке, дальше стоящей от практических вопросов ближайшего времени, он только еще начинается. Это начало знаменуется не только с большим эффектом выступившей яфетической теорией, которая противопоставила себя в основном всей старой, так называемой индоевропейской лингвистике, но и многими другими явлениями, например, сравнительно большим привлечением внимания к вопросам философии языка. Все это говорит о несомненном сдвиге в методологии языкознания. И если старая эмпирическая лингвистика пренебрежительно от-

³ ДЕБОРИН, ГЕГЕЛЬ и диалектический материализм, вступительная статья к сочинениям Гегеля; [Т.] 2, 1929 г., стр 111.

носились ко всяким теориям и широким обобщениям, предпочитая заниматься так называемыми фактами, то новый период в лингвистике открыто признает необходимость широких обобщений. Послеоктябрьская теоретическая лингвистика в С. С. С. Р. идет под флагом материалистической диалектики, как всеобщего метода познания действительности. С точки зрения новейшего этапа в лингвистике суждение Маркса о том, что эмпирические естествоведы, отрицающие философию, всегда шли незаметно для себя на поводу какой-либо философии, применимо и к эмпирическим языковедам. Послеоктябрьская лингвистика вследствие сложившихся исторических условий естественно избавлена от узко эмпирической точки зрения. Но при всем том, должно признать, что многие общие вопросы языкознания в современной лингвистической литературе разрешаются далеко не верно с точки зрения диалектического метода. Основы последнего, как известно, были подвергнуты ревизии со стороны некоторых философов. В результате возникшей по этому поводу дискуссии в философии создались две школы, известные под именами диалектиков и механистов. Спор между ними вовлек в круг обсуждения все основные вопросы философии, по которым и получились разногласия между названными школами. Вскоре после этого аналогичные вопросы в применении к языку стали занимать и некоторых языковедов и даже не языковедов, взявшихся писать по вопросам философии языка. При этом надо сказать, что в результате таких писаний в языкознании получили больший вес суждения механического толка, чем, например, в философии; там на страже старых основ ортодоксального марксизма стоят видные и испытанные марксисты; в языкознании же таковых пока еще нет. Поэтому позиции теории материалистической диалектики здесь, более чем где-либо, открыты. Дело обеспечения этих позиций должно представляться одним из основных. Таким образом, раскрытие истинного характера некоторых современных высказываний по философии языка и составляет основную задачу данной работы.

Язык ближайшим образом относится к одному из родов человеческой деятельности, именно: коммуникативной деятельности. Маркс в своем знаменитом предисловии к «Критике политической экономии» писал, что «...в общественном производстве своей материальной жизни люди вступают в определенные, необходимые независимые от их воли, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, истинную основу, на которой возведена юридическая и политическая надстройка и которой соответствуют определенные общественные формы сознания» .

Эти производственные отношения, в которые вступают люди независимо от своей воли, проникаются, пропитываются, облекаются их коммуникативной деятельностью; она дает возможность людям согласовывать свое производство, так его комбинировать, чтобы оно отвечало их ближайшим целям. Коммуникация — все равно, что воздух для человека: как человек не может жить без воздуха, так общество не может жить без коммуникации, под которой здесь разумеется более широкое понятие по сравнению с тем, что при-

нято обычно понимать под этим термином. Таким образом, коммуникативная деятельность общества есть его духовная деятельность, которая может выражаться в живописи, музыке, слове, танцах и. т. д. Чем далее отходит коммуникативная деятельность общества от его производственной деятельности, тем более она кристаллизуется в себе: она превращается, в частности, в философию, науку и. т. д. Из простой служанки материального производства она превращается в собственную противоположность: сама в себе становится производством особого рода, ближайшие цели которого вовсе не обязательно должны совпадать с целями материального производства.

Речь человека, говоря вообще, относится к его коммуникативной деятельности, которая объективируется артикулированными звуками. Этими ограничениями мы делаем непричастными к речи музыку, живопись и т. д. Речь есть непрерывный поток: она деятельность. Лингвистическая мысль с древнейших пор старается этот поток расчленить на составные части и дать их определения. Эмпирически давно уже выделены слово, словосочетание и предложение, из которых слагается наша речь. Лингвистическая мысль в толковании этих «выделений» не пришла еще в согласие, наоборот: разнобои в их определениях все возрастают. По мнению одних, то или другое из отмеченных «выделений» является реальной категорией, по мнению других, наоборот. Но разногласия на этом не останавливаются: в пределах этих разграничений они подразделяются на более мелкие группы.

Язык как относительная устойчивость

В данной связи нас не интересуют вопросы общего определения слова и предложения; но мы сейчас же заявляем, что эти элементы реально существуют в языковом процессе. И, тем не менее, никакое соединение тех или других не составит языка. Если слово и предложение есть известные реальные единицы, то язык есть некоторая новая единичность, которая никоим образом не может быть сведена к простым соединениям своих элементов. Эта новая реальность или лучше сказать, реальная совокупность должна быть формулирована и выделена из всего окружающего, как некоторая индивидуальная специфичность. В лингвистической литературе наметилось два основных направления в разрешении этой проблемы, изложение которых, между прочим, дал ВОЛОШИНОВ, В. Н. в своей книге «Марксизм и философия языка»¹. Одно из этих направлений он назвал индивидуалистическим субъективизмом, другое — абстрактным объективизмом. Мы не будем делать изложение этих направлений, как некоторых систем, мы будем делать из них извлечения, необходимые для наших целей.

ГУМБОЛЬДТ в истории языкознания — основополагающий ум. Он является родоначальником того направления в языкознании, которое утверждает, что язык есть непрерывная деятельность, непрерывное становление (*energeia*) и которое Волошинов назвал индивидуалистическим субъективизмом. Это направление характеризуется такими именами, как Leo Spitzer, Lörck, ШТЕЙНТАЛЬ и другие. По мнению Волошинова, индивидуалисти-

¹ Изд. «Прибой», 1929 г.

ческий субъективизм не может смотреть на язык, как на систему норм. Напротив, он утверждает, что язык, как *ergon*, как устойчивая система норм есть абстракция, созданная нашим умом на основании мертвого, застывшего материала прошедшего зафиксированного творчества духа, его деятельности.

Абстрактный объективизм по этому пункту утверждает противоположное. Его представителем является Женевская школа языкознания во главе с Фердинандом де СОССЮРОМ, который исходит из трех взглядов на язык: 1) язык-речь (*langage*) 2) язык, как система норм (*langue*) и язык, как индивидуальный речевой акт, высказывания (*parole*). Второе и третье понимание языка являются составными элементами первого, которое представляет собою совокупность всех сторон языковой деятельности: физической, психической, физиологической и социальной. «Взята в целом, — говорит СОССЮР, — речь многообразна и гетероклитна. Относясь к нескольким областям, будучи одновременно явлением физическим, физиологическим и психическим, речь принадлежит еще области индивидуальной и области социальной; она не дает себя классифицировать ни по какой определенной категории гуманитарных явлений, ибо неизвестно, как найти ее единство»². Поэтому язык следует отличать от речи. В противоположность гетерогенности последней язык есть целое в себе и принцип классификаций. Как только мы дадим ему первое место среди явлений речи, мы внесем, по мнению Соссюра, естественный строй и порядок в конгломерат, не поддающийся никакой иной классификации.

Отличая язык от речи, он отличает его так же и от индивидуального говорения (*parole*), которое не может быть предметом лингвистики так же, как язык-речь. «Отличая язык от высказывания (*parole*) — говорит Соссюр, — мы, тем самым, отличаем: 1) то, что социально, от того, что индивидуально; 2) то, что существенно, от того, что побочно и более или менее случайно»³. По мнению Соссюра, язык не является деятельностью говорящей личности, «он — продукт, который личность пассивно регистрирует; язык никогда не допускает никакого произвола личности и вообще никакого изменения собственного существа деятельностью говорящей личности. «Высказывание, — говорит он, — напротив, индивидуальный акт воли и мышления, в котором мы можем различать: 1) сочетания, посредством которых говорящая личность утилизирует систему языка для выражения своей индивидуальной мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий высказывать эти сочетания»⁴. Таким образом, язык, противостоя речи и высказыванию, является единственным объектом лингвистического изучения.

Суммируя изложенное, можно сказать, что если индивидуалистический субъективизм определял язык, как непрерывное становление, деятельность, отрицая за ним свойства устойчивости, то абстрактный объективизм устраняет всякое понимание его, как деятельности; он отрывает его, как систему от того, системой чего он является или, что то же, в чем, собственно, последняя проявляется, т. е. от языка-речи. По его мнению, язык есть устойчи-

² Цитирую по ВОЛОШИНОВУ, стр. 78.

³ Там же, стр. 74.

⁴ ВОЛОШИНОВ, стр. 74.

вая система нормативных языковых форм, объективно существующая независимо от языка, как особая сущность, как объект, являющийся универсальным прототипом индивидуальных говорений, как нечто отдельное и самостоятельное. В понимании абстрактного объективизма язык, как лермонтовский дух изгнания, летает над грешною землей и не позволяет себе опуститься к индивидуальным говорениям, к грешной речи вообще, полагая, что в этом своем качестве она не способна обрести никакое единство. Ему ничего не остается делать, как покрыть землю, на которой передвигаются говорящие люди, сетью норм, на которые эти последние должны ориентироваться, не производя в них никаких изменений. Если индивидуалистический субъективизм полагал, что язык как система норм есть абстракция, не соответствующая действительному языковому процессу, то абстрактный объективизм, придавая реальное значение системе языковых норм, утверждает, что индивидуальный акт речи есть как бы подражание некоторой универсальной сущности, т. е. системе нормативных языковых форм или, что то же, он есть вариация этой системы в некотором «ином, с большим или меньшим приближением к ней. Очертив эти два направления ВОЛОШИНОВ заключает: «Мы полагаем, что здесь, как и везде, истина находится не на золотой середине и не является компромиссом между тезисами и антитезисами, а лежит за ними, дальше их, являясь одинаковым отрицанием, как тезиса, так и антитезиса, т. е. являясь диалектическим синтезом»⁵. И чтобы не оставалось никаких сомнений относительно того, где обретается пресловутый «диалектический синтез», он продолжает: «Язык как устойчивая система нормально-тождественных норм есть только научная абстракция». «Конкретной действительности эта абстракция не адекватна». «Язык есть непрерывный процесс становления, осуществляемый социальным речевым взаимодействием говорящих»⁶. Что все течет, что все изменяется, что на свете нет ничего абсолютного неизменного, теперь известно всякому второстепенцу. Теперь все знают, что «ни в природе, ни в общественной жизни, ни в понятиях людей нет и не может быть ничего такого, что могло бы претендовать на неизменность»⁷ Это — мудрость гераклитовской древности; но не все умеют заметить иную сторону того же процесса, его относительную устойчивость. Характерным представителем такого рода людей является «диалектик» ВОЛОШИНОВ, по мнению которого, язык, как устойчивая система норм, есть абстракция, не адекватная действительности. А между тем, ГУМБОЛЬДТ, которого ВОЛОШИНОВ пытался уложить в рамки положений индивидуалистического субъективизма, думал иначе: он полагал, что «язык — это всецело живой процесс творчества, — он по существу своему есть разговор, — и, однако же, он не только нечто подвижное, но и в то же время нечто устойчивое... Он не только нечто высказываемое, но и в то же время сказанное (*Gesprochenhaben*)»⁸.

БЕЛИНСКИЙ в свое время по поводу шиллеровского творчества говорил,

² ВОЛОШИНОВ, стр. 98.

⁸ Там же, стр. 117.

⁷ ПЛЕХАНОВ, Гром не из тучи, Под знаменем Марксизма, 1928 г. № 5, стр. 17.

⁸ Цитирую по Гайму, Вильгельм фон ГУМБОЛЬДТ, стр. 410.

что надо быть слишком великим лириком, чтобы свободно ходить на котурнах шиллеровской драмы: простой талант, взобравшийся на ее котурны, падает прямо в грязь. Не нужно, скажем от себя, быть великий акробатом мысли, чтобы состязаться с ГУМБОЛЬДТОМ, нужно просто быть диалектиком, что бы свободно ходит на котурнах его мысли. Автору книги «Марксизм и философия языка» очевидно, не совсем удалось проделать такую операцию на котурнах диалектической мысли, ему пришлось воспользоваться плоскими санями субъективизма. Пусть извинят меня читатели за следующие пространственные выписки, они необходимы, так как сами за себя говорят лучше, чем можно о них сказать. «С действительно объективной точки зрения, - говорит ВОЛОШИНОВ, - пытающийся взглянуть на язык совершенно независимо от того, как он является данному языковому индивиду в данный момент, язык представляется непрерывным потоком становления». Для стоящей над языком объективной точки зрения — нет реального момента, в разрезе которого она могла бы построить синхронистическую систему языка». Последняя, по его мнению, «с объективной точки зрения не соответствует ни одному реальному моменту процесса исторического становления». Он говорит, что «для историка языка, стоящего на диахронической точке зрения, синхроническая система нереальна. Она «... существует, по его мнению, лишь с точки зрения субъектного сознания говорящего индивида...». «С объективной точки зрения она не существует ни в один реальный момент исторического времени». «В аналогичном положении, — говорит ВОЛОШИНОВ, — находится всякая система социальных норм. Она существует лишь в отношении к субъективному сознанию индивидов»⁹. Сюда относятся эстетические нормы вкуса, правовые этические и другие нормы. По утверждению ВОЛОШИНОВА ... «род их бытия, как норм, один и тот же, — они существуют лишь в отношении к субъективным сознаниям членов данного общества»¹⁰.

Итак, языковая система, т. е. нечто устойчивое, с объективной точки зрения, нереальна, с субъективной же точки зрения она оказывается совершенно реальной. Это, во-первых. Во-вторых, в аналогичном положении находятся всякие другие социальные нормы. Таким образом, например, система правовых норм в капиталистическом обществе, как система, не реальна. Однако, остается неизвестным, почему само капиталистическое общество, как определенное единство, которое в частности, регулируется правовыми нормами, считается реальным. Может быть и капиталистическое общество, как устойчивое единство, противопоставляемое, например, феодальному, так же не реально. Может быть, реально только автомобильное движение по улицам какой-нибудь Москвы, шум и лягз заводских станков и смена одежд и лиц?

Мы, конечно, не возражаем против такого понимания диалектики, если оно не пойдет дальше головы автора вышеприведенных цитат, ибо мы вовсе не желаем, чтобы субъективизм выдавался за диалектику. А между тем, эта, с позволения сказать, «диалектика» начинает находить себе место в головах

⁹ ВОЛОШИНОВ, стр. 79.

¹⁰ Там же, стр. 79.

довольно известных лингвистов. ВОЛОШИНОВ в разбираемой книге обвинил ШОР в принадлежности к Женевской школе в лингвистике, по которой, как мы видели, язык реален только, как система известных норм. ШОР в своей рецензии на указанную книгу, чтобы отвести от себя эти нападки, высказала положение, по которому вовсе не нужно «настаивать в настоящее время на правильности положений Гумбольдта» о том, что конкретная действительность языка не адекватна абстракции, конструируемой лингвистикой в виде устойчивой системы языковых форм¹¹. По ее мнению, эти положения вовсе не нуждаются в защите, так как они признаны в каждом введении в общее языкознание. Оставляя в стороне те «введения», которые имеет в виду ШОР, должно заметить, что в другом месте она писала несколько иначе. Свою статью «Кризис современной лингвистики» она окончила (с претензией на афоризм) так: «Язык не есть вещь (*ergon*), но естественная природная деятельность человека (*energeia*) — сказала романтическая языкознание XIX века. Иное говорит современная теоретическая лингвистика: «язык не есть деятельность индивидуальная (*energeia*) но культурно-историческое достояние человечества (*ergon*)»¹². Нет никакой необходимости говорить о том, что достояние есть, все-таки, нечто устойчивое, и всякая система, составленная на этом материале, очевидно, должна соответствовать ему. Если бы все наши абстракции всегда не соответствовали действительности, тогда следовало бы признать всю философскую деятельность человечества напрасным трудом. В свое время совершенно справедливо указывали рыцарям «мышления по принципу наименьшей траты энергий» о том, что надобность в их писаниях по меньшей мере сомнительна по той простой причине, что кроме их (точнее сказать — него) на свете не существует ничего. С точки зрения новейших героев далеко не новейших «истин», следовало бы напомнить всем составителям, например, грамматических систем, о том, что их труд — далеко не «экономная» трата энергии, так как всякая система не имеет научного значения, т. е. не соответствует действительному процессу. Она полезна и действительна только с точки зрения практики, но с точки зрения теории познания — она фикция. Здесь «диалектик» ВОЛОШИНОВ подает руку субъективисту Вл. САРАБЬЯНОВУ пришедшему к «теоретически безукоризненному выводу в определении качества», который, однако, практически оказался бесполезным. САРАБЬЯНОВ пишет: «Наличие в вещи какого-либо свойства или отсутствие его сравнительно с другой вещью уже делает из этих двух вещей два разные качества». Любая вещь, по его мнению, теоретически есть совокупность «безконечного количества» свойств, а потому теоретически верно предположение, что в любой момент какое-нибудь свойство или возникло или отмерло, а потому, любая вещь есть в любой другой момент иное качество»¹³. Действительно мудро построить какую-либо систему языка, если последний в своем непрерывном становлении в каждый иной момент есть уже не то, что он был минуту

¹¹ ШОР, рецензия на книгу ВОЛОШИНОВА «Русский язык в Советской школе», № 3, 1929 г., стр. 151.

¹² Яфетический сборник, V, стр. 71.

¹³ Там же, стр. 35.

назад. Совершенно очевидно, что САРАБЬЯНОВ снимает категорию качества, как реальную категорию, сводя все процессы мира к количественным изменениям. Не менее очевидно и то, что ВОЛОШИНОВ по этому пункту, повторяем, совершенно согласен с субъективизмом САРАБЬЯНОВА. Категория качества у обоих «диалектиков» определяется, как субъективная категория: она действительна только с точки зрения индивидуального сознания. «Качество есть объективно-субъективная категория», — говорит САРАБЬЯНОВ¹⁴.

Древность «новейших» взглядов механистов, в том числе САРАБЬЯНОВА, достаточно известна. Равным образом известно и то, что уже в древней Греции умели ставить вопрос по другому. Так, например, платоновский Сократ в «Кратиле» в споре со своим собеседником того же названия, который придерживался гераклитовского учения, утверждал, что «... не слишком умному человеку свойственно... произносить суд против себя и вещей, — что ни в чем нет ничего здорового, но что все течет, будто скудель, — что все вещи, точно будто люди, страдающие расстройством желудка, подвержены различным течениям и изменениям»¹⁵. А между тем, «каким же образом, — говорит тот же Сократ, — могло бы быть чем-нибудь то, что никогда не то же?». «Да оно не было бы никем и познано ибо только, что приступил бы ты с намерением познать его, — оно сделалось бы иным и чуждым»¹⁶. Я не приписываю здесь суждения[м] Платона абсолютной истинности. Напротив, совершенно очевидно, что он не умел привести в единство противоречивых моментов бытия: его относительной устойчивости и одновременной изменчивости. Он нашел выход в том, что первое свойство приписал идеям, а второе — бытию. Нечто подобное случалось с новейшими фальсификаторами диалектики. Они, правда, не выдвигали учения о платоновских идеях по причине своей принадлежности к XX веку. Они поступили в духе другой школы: то обстоятельство, что все вещи имеют относительную устойчивость, они вычеркнули и оставили за ними свойство непрерывного течения и изменения. Нам нет никакой необходимости доказывать ошибочность взглядов САРАБЬЯНОВА, это с успехом сделали другие. Моя задача иная — показать, что диалектик ВОЛОШИНОВ развивает те же взгляды, что и субъективист САРАБЬЯНОВ. Остается пожелать нашим механистам познакомиться с историей партии, в частности, с идеей Л. Д. ТРОЦКОГО о «тактике-процессе», нашедшей суровый отпор в лице В. И. ЛЕНИНА.

Итак, язык, конечно, не является абстрактной системой себе тождественных норм, которая, представляясь оторванной от процесса речи, летает над ним, как дух божий летал над хаосом в первый день творения. Именно в этой оторванности языка системы от языка-речи и заключается основная ошибка абстрактного объективизма. Но язык не является также только непрерывным становлением, как это полагает ВОЛОШИНОВ, защищая суждение по этому вопросу, индивидуалистического субъективизма. Катего-

¹⁴ Вл. САРАБЬЯНОВ, Беседы о марксизме, М., 1925 г., стр. 36.

¹⁵ ПЛАТОН, Сочинения, т. V, М. 1874 г., стр. 286.

¹⁶ Там же, стр. 285.

рии становления диалектика противопоставляет категорию ставшего. Истина бытия в том и заключается, что оно одновременно и нечто ставшее, т. е. наличное бытия, и нечто становящееся, т. е. непрерывно изменяющееся¹⁷. Это противоречие ставшего и становления разрешается в единстве, именуемом по ГЕГЕЛЮ мерой. Таким образом, язык реален не только, как поток речевого поведения, но и как некоторая система норм, которая, образно выражаясь, обнимает собою этот поток, пропитывает его, кладет свою печать на все индивидуальные разновидности его. Этим объясняется требование В. И. ЛЕНИНА о нормировании языка, истина которого в том и заключается, что он — единство устойчивости и изменчивости.

Очевидно, лишь условно можно приписать звание диалектика тому, кто говорит о реальности системы норм в языке только с точки зрения субъективного сознания.

Субъективизм — не диалектика.

Атомистические воззрения на язык

Немаловажным вопросом следует также считать сохранение суждений о языке, восходящих к теории социального атомизма. Еще между ВУНДТОМ и ПАУЛЕМ существовало разногласие по вопросу об отношении к, так называемой, народной психологии. ПАУЛЬ в противоположность ВУНДТУ, не признавал народной психологии как реальной категории; в этом качестве являлась для него только индивидуальная психология. По его мнению, для оттенения некоторых свойств языка, следует ставить его в аналогию с царством органического мира. Так, например, в зоологии ничто не имеет реального бытия, кроме отдельных индивидуумов; роды, виды, классы представляют собою соединение ума, которые могут быть более или менее произвольными. Языкознание, по мнению Пауля, тоже должно стать на эту основу. Согласно с общим его определением языка, мы должны различать столько языков, сколько говорящих индивидуумов. Языки отдельных индивидуумов соединяются нами в общий язык, на котором говорит народность. Но этот общий язык есть абстракция. В действительности, в каждый данный момент внутри народности говорят на таком количестве языков, сколько имеется говорящих индивидуумов. В русской лингвистической литературе такой взгляд на язык развивал профессор БОДУЭН де КУРТЕНЭ. «Конечно, — говорит он, — так называемый русский язык представляет из себя чистейшую фикцию. Никакой русский язык точно также, как и никакой племенной или национальный язык вовсе не существует. Существуют как поэтические реальности, одни только индивидуальные языки, точнее: индивидуальные языковые мышления¹⁸. Вслед за ним повторяет тоже самое и ШАХМАТОВ; по его мнению, реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык же области народа оказываются только научными фикция-

¹⁷ Термин «становление» у ГЕГЕЛЯ означал единство чистого бытия и чистого ничто; употребление же его в смысле непрерывной изменяемости мы встречаем у ПЛЕХАНОВА, в его предисловии к книге «Людвиг Фейербах», М., 1928 г., стр. 17.

¹⁸ Бодуэн де КУРТЕНЭ, Введение в языковедение, 1913—14 гг., стр. 41. (лит. п).

ми [Так в оригинале— ред.]. И, тем не менее, он не считает себя обязанным ограничиваться только фактами одного языка своего. В своих последованиях он намерен пользоваться данными и других индивидуальных языков для анализа общих законов, действующих в языке¹⁹. Когда дело касается конкретного исследования, тогда люди типа академика ШАХМАТОВА становятся трезвыми и изменяют своей сформулированной философии, по которой общий язык — фикция и молчаливо создают новую, закрепляющую за их исследованиями значение общности. Этим объясняется его оговорка о желании пользоваться фактами других индивидуальных языков. Однако, остается неизвестным, почему именно индивидуальный язык обладает всей полнотой реальности. Ведь, если язык одного индивидуума не то же, что язык другого, то и каждый из них отдельно взятый в каждый данный момент не то, что он был раньше. «Очевидно, — говорит ПОТЕБНЯ, — что крайне ошибочно было бы приписать реальность личности в отличие от идеальности понятия народ, ибо личность, мое «я» есть тоже обобщение содержания, изменяющееся каждое мгновение. Ключ к разгадке явлений лично семейной, родовой, племенной, народной жизни скрыт глубже, чем в абстракции, называемой личностью»²⁰. Следовательно, общий язык может быть назван абстракцией или, что то же, фикцией, в равной степени с индивидуальным языком.

Люди, умеющие мыслить до конца, не совершают такой непростительной непоследовательности, как, например, ШАХМАТОВ. К их числу можно отнести Людвигу НУАРЭ. Он говорит, что «в природе не существует в действительности ни народа (*genus*), ни вида (*species*), ни индивидуума» Все это только предельные линии классификации и абстракции, вносимые в природу мыслящим духом человеческим ради большей обзорности, ориентировки и понимания»²¹.

Некоторые русские языковеды воспользовались рецептом НУАРЭ. Я имею в виду книгу ВОЛОШИНОВА, в которой отрицается реальность индивидуальных языков и признается в качестве бесспорной реальности языка только высказывание, поскольку оно может быть закреплено актом высказывания.

Такого рода теории имеются, однако, не только в языкознании, но в многих других специальных областях. Для примера можно сослаться хотя бы на того же САРАБЬЯНОВА. Он говорит: «Без субъективизации невозможно никакое деление на классы, роды, виды, так как признаков бесчисленное множество, а важного и неважного объективно в природе не существует»²². САРАБЬЯНОВ относится к числу механистов, которые сомневаются в реальности видов, классов, находя их созданиями субъективного ума. Как видно они недалеко ушли от НУАРЭ. Но при ближайшем рассмотрении они оказываются не далеко ушли и от более древних писателей. Например, РОСЦЕЛЛИН еще в конце XI в. утверждал, что «только чувства одни могут дать нам познание действительности: виды роды, классы, наконец, общие пред-

¹⁹ ШАХМАТОВ, Очерк современ. рус. лит. яз. 1925 г., стр. 5.

²⁰ ПОТЕБНЯ, Язык и народность, Вестник Европы, 1895 г. Т. V, стр. 35.

²¹ НУАРЭ, Орудие Труда, стр. 185.

²² САРАБЬЯНОВ, стр. 37.

ставления являются только созданиями ума, внешним образом они представляются словами, *flatus vocis* (т. е. дуновениями голоса), вне же этого они не существуют»²³. Очевидно, следует считать, что наши языковеды разбираемого типа тоже склонны полагать, например, классовый язык результатом «дуновения голоса».

Мы уже указывали, что, по мнению ПАУЛЯ, в зоологии ничего не признают реальным, кроме индивидуумов. В последнее время такие высказывания возродились в спорах с механистами. Эти высказывания о реальности только индивидов, как было указано, восходят к теории социального атомизма, по которой общество представляется в качестве суммы индивидуумов, и все то, что закономерно по отношению к ним, — закономерно и по отношению к обществу. При этом, наши механисты понимают, что их теоретические выводы в таких случаях бесполезны. «Мы пришли, — пишет САРАБЬЯНОВ, — теоретически к безукоризненному выводу, в определении качества[...], но вывод в определении качества [Так в оригинале — ред.], но вывод этот практически бесполезен. В самом деле, нам нужно действовать в отношении к данной вещи в зависимости от того, какова она, но определить то, что она есть, т. е. ее качество, принципиально невозможно, так как в своих соседних точках времени она уже представляет собою разные качества»²⁴. Мы уже приводили мнение цитированного автора о том, что деление на классы и виды без субъективизма невозможно. Остается непонятным, почему деление на индивидуумы возможно при таких безукоризненных взглядах. Если в чем либо и есть что реальное, так оно определяется, по мнению САРАБЬЯНОВА, микроскопически малым промежутком времени. Таким образом, реальность индивидуума, живущего несколько лет, становится абсурдом. Он в таких случаях логически должен считаться такою же абстракцией, как и прочие категории.

Однако в жизни требуется разделять вещи на классы, т. е. признавать реальность классов, иначе невозможна никакая практика. Тогда они объявляют практику субъективным началом и делают уступки в теории. Таково понимание единства теория [теории?] и практики у всех субъективистов. А между тем, ЛЕНИН по этому вопросу писал: «Точка зрения практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики... Этот критерий настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превращаться в «абсолют», и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»²⁵, и добавим от себя, [с] механическим субъективизмом. «Если то, что подтверждает наша практика, — продолжает ЛЕНИН, — есть единственная, последняя, объективная истина то реальность наших понятий, например, о классе, не подлежит сомнению, т. е. они (понятия) соответствуют реальной действительности. При этом, практика в качестве критерия истинности наших понятий не понима-

²³ Цитирую по ПОГОДИНУ, Язык как творчество, стр. 382.

²⁴ [В оригинале текст сноски отсутствует. — ред.]

²⁵ ЛЕНИН, Материализм и эмпириокритицизм, т. X, М., 1924 г. Стр. 115.

ется здесь узко эмпирически. Практика первобытного человека, например, доказывала ему истинность его представлений о мире (анимизм), но мы теперь знаем, что они были ложны. Теория, поскольку ею овладевают массы, сама становится практикой. Сама практика вне определенной системы, т. е. теории, не может представляться сознанию человека. О так называемом акте можно сказать то же, что говорит народная пословица о законах. Факт — что дышло: куда ни повернул, туда и вышло. Факт, несмотря на свою «упрямость», приобретает определенное значение только в системе целого, где оно является частью. Наши суждения о мире не непосредственны: они базируются на каком-то основании, которое проливает свет на понятие и, т. о., на факты. Противоречие между теорией и какими-либо отдельными фактами не означает ложности теории. В этом смысле теория будет права, если скажет: «тем хуже для фактов». Таким образом, когда говорят о практике, как о критерии истинности нашего познания, тогда следует помнить, что речь идет не только об узкой практике сегодняшнего дня, но также и о бесспорных достижениях человеческой мысли, вошедших в плоть и кровь нашей практической деятельности. Этим объясняется, между прочим, Ленинское определение политики, как умение считать миллионами. Если бы классы, как объективные категории, не существовали, тогда зачем вести классовую политику? Ведь класс — субъективное сознание или просто — фикция. Если бы национальности как реальные категории не существовали бы, тогда зачем вести национальную политику? Ведь нации есть также только создание ума, предельные линии его классифицирующей деятельности. Но если классы существуют объективно, тогда почему объективно не может существовать классовый язык; если существуют национальности, тогда почему не могут существовать национальные языки. Очевидно, всякие суждения о нереальности классовых и национальных языков отмечаются «теоретической безукоризненностью» только для известных лиц. Таково, между прочим, мнение акад. Н. Я. МАРРА, по которому национальные языки — фикция; реальны же только классовые языки. По поводу указанного взгляда акад. МАРРА выступал еще Н. Н. АНДРЕЕВ с указанием того, что он (взгляд) есть только видимость применения классовой теории к языку. А еще ранее против такой упрощенческой точки зрения выступал ПЛЕХАНОВ, когда критиковал взгляда [взгляды?] А. ЭЛВФЕРОПУЛОСА.

Теоретически безукоризненные выводы о реальности только индивидуумов порождаются тем несомненным фактом, что никакое общее не существует вне отдельного. ЛЕНИН по этому поводу писал с определенной ясностью. Всякое «отдельное, - говорит он, - не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном и через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка, сторона или сущность) отдельное. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное не полно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными и т. д. Можно было бы сослаться и на ДЕБОРИНА, который писал, что «единичное не составляет отрицание общности, но ее осуществление. Конкретное единичное или конкретный индивидуум сам в себе, поскольку в нем общность осуществлена как действительность,

есть общность». Я не говорю уже о ГЕГЕЛЕ; понимание этого обстоятельства было доступно и некоторым представителям средневековья. Например, Альберт Великий в своем трактате «*De intellectu et intelligibili*» пишет: «Некоторые из авторитетнейших латинских ученых, отвергая теорию номинализма, утверждают, что всеобщее (*universale*) представляет собою нечто реальное в вещах: если бы было иначе, нельзя было бы ничего утверждать с достоверностью о чем бы то ни было, тем более, что в самой природе всеобщего заключается то, что оно есть; оно содержится целиком в каждом из своих частных проявлений. Прибавим, что всякую вещь можно понять лишь в том, что является, в действительности ее формой. Более того, реальным в вещах является лишь то, что составляет все и единое в многообразии, ибо всеобщее не теряет своего права на существование в вещах потому, что оно заключается во многих из них; напротив, благодаря этому оно существует в вещах вне нашего понимания (*extra animam*). Всеобщее должно, действительно, существовать в вещах потому, что оно образует единство в многообразии». Так писали в средние века. Теперь, конечно, таких мест мы не найдем ни в сочинениях диалектиков, ни в сочинениях механистов. Теперь всякий обязан отгородить себя от средневекового учения о так называемых универсалиях поскольку наше понятие общего далеко не совпадает с средневековыми утверждениями о большей реальности универсалий. Философия несколько столетий трудилась даром. Но при всем том, кажется странным думать, что средневековье наполнено только схоластикой и что там днем с огнем не найдешь никакой диалектики. А между тем, приведенная цитата не столь категорична. Альберт Великий умел, например, понимать, что общее может существовать независимо от нашего сознания (*extra animam*), тогда как люди, сердцу которых принят мое мнение, что реальны только индивидуумы, полагают наоборот. Они суть Паули, Шахматовы, Бодуэны де Куртенэ и многие другие, в том числе Сарабьянов. Не следует напоминать о том, что приведенные авторы противоречат ЛЕНИНУ: это ясно без всяких замечаний. Скажу только, что такие люди как ВИЛЬГЕЛЬМ фон ГУМБОЛЬДТ умели обходить «теоретически безукоризненное» болото субъективизма. Он, например, полагая [*полагал?*], что «... человек не обладает сам по себе резко ограниченной индивидуальностью, что «я» и «ты» не только суть понятия, взаимно требующие друг друга, но, если бы можно было бы вернуться к пункту их разделения, они оказались бы понятиями истинно тождественными и, что в этом смысле существуют разные круги индивидуальности»²⁷, определяемые разной степенью тождества и различия входящих в них индивидуумов. Без предположения этого условия невозможно никакое понимание и, следовательно, общение между людьми; отсутствие названного условия устраняет всякую соотносительность вещей. А между тем, вывод о реальности только индивидуумов покоится на том основании, что они все различны. Но это утверждение содержит только одну сторону истины; полнота же ее заключается в том противоречии, что все индивидуумы одновременно и тождественны, и различны. Сама фраза «все индивидуумы различны» заключает в себе противоречие, а именно: она утверждает не только раз-

²⁷ ГАЙМ, стр. 461

личие между индивидуумами, но и сходство между ними, поскольку противопоставляет их, как некоторую отдельность, всему тому, что не является индивидуумами. Такова диалектика бытия. Точно то же можно сказать и о языке. По мнению ГУМБОЛЬДАТА, «язык никогда не является делом отдельного человека, а всегда принадлежит всей нации, и тем не менее языку принадлежит служить орудием самым разнообразным индивидуальностям. Он обладает обоими свойствами, — свойством в качестве единого языка делиться на бесконечное множество, с другой стороны — свойством соединять это множество языков в единый»²⁸. Индивидуальный язык, как часть, всегда зависит от своего целого: от языка общества, класса. Его жизнь со всех сторон связана с обществом и общим языком, ибо невозможно представить существование независимого индивидуума. Его беспомощность в отдельной борьбе предполагает необходимость общения как бы ни была выражена индивидуальность, она всегда предполагает общество. Индивидуальные языки составляют классовые, племенные, национальные языки и т. д., но ни один из этих последних не сводится к сумме своих единиц: индивидуальным языкам; они сами есть несомненные «индивидуальности», которые идут в своем развитии собственными путями, отличными от путей индивидуальных языков в отдельности. Вследствие этого «языки можно считать твореньями народов; и в тоже время они остаются твореньями отдельных лиц»³³. В другом месте ГУМБОЛЬДТ говорит, что в языках так чудно совмещена их «индивидуальность со всеобщим сходством между ними, что все человечество говорит как бы на одном языке и в тоже время, у каждого человека, можно сказать, свой язык»³⁴. Автор этой цитаты жил несравненно ранее МАРКСА и был несомненным идеалистом. Теперь мы перейдем к новейшим авторам, желающим быть между прочим, марксистами. Речь идет о Волошинове. Мы уже знаем, что, по его мнению, язык как система, т. е. как нечто устойчивое, не реален ни для какого промежутка времени с объективной точки зрения; в отношении же к субъективному сознанию он в таком качестве вполне реален. Он также не может признать объективную реальность индивидуальных языков, т. к. каждый из них в каждые два соседние момента, как бы они не были малы, различная вещь. Тогда в чем же заключается основная реальность языка? В высказывании, отвечает ВОЛОШИНОВ. Высказывание есть единственная и последняя реальность, и поскольку оно высказано, постольку оно дано. «Индивидуалистический субъективизм прав, — говорит ВОЛОШИНОВ — что единичные высказывания являются действительно конкретной реальностью языка»³⁵. «Действительной реальной реальностью языка-речи,- продолжает он,- является не абстрактная система языковых форм и не монологическое высказывание и не психо-

²⁸ ГАЙМ, стр. 410.

³³ ГУМБОЛЬДТ, О различии организмов человеческого языка. ., СПб, 1859 г., стр. [В оригинале страница не указана. Возможно, соответствует более позднему переводу «Будучи, таким образом, творениями наций...языки остаются, однако, созданиями индивидов...», В. Гумбольдт Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 66 — ред.]

³⁴ Там же стр. [в оригинале страница не указана. В более позднем переводе работы В. Гумбольдта данная цитата присутствует на с. 74 (выходные данные работы указаны нами в сноске 33) — ред.]

³⁵ ВОЛОШИНОВ, стр. 111—112.

физиологический акт его существования, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями»³⁶. Этим, между прочим, объясняется то обстоятельство, что ВОЛОШИНОВ в своей специальной части книги, анализируя конкретные формы высказывания, ни одним словом не обмолвился о том, какая социальная группа является носителем этих форм. Но каково же отношение одного высказывания к другому? Существует ли между ними одновременно сходство и различие? Послушаем самого ВОЛОШИНОВА: «Слово противостоит говорящему на родном языке не как слово словаря, а как слово разнообразнейших [Так в оригинале. — ред.] высказываний языкового сочлена А, сочлена В, сочлена С и т. д., и как слово многообразнейших собственных высказываний»³⁷. Очевидно, ни при каком другом условии невозможно сказать, что язык есть только становление и что становление в языке есть абстракция, не адекватная действительности. Очевидно утверждение только «разнообразия» не предполагает наличия категории тождества поскольку о последней нигде не упоминается. Не менее очевидно и то, что любители разнообразия должны следовать собственными путями, отличными от путей Марксизма, т. к. представители последнего не отказываются от того, что вещи находятся не только в лирическом беспорядке, но и в строгом, видимом прозаическом порядке.

Проблема сущности и целого с точки зрения диалектики

В предыдущем изложении мы имели случай сказать, что язык есть некоторая совокупная реальность, что он есть известная специфическая «индивидуальность», которая в своем развитии идет собственными путями, отличными от путей индивидуальных языков. Но при ближайшем рассмотрении это разрешение вопроса не может считаться достаточно точным. Мы полагаем, что вопрос о взаимоотношении индивидуального языка и, например, классового не может быть более или менее удовлетворительно разрешен без использования в этом случае ГЕГЕЛЯ о сущности и целом. Изложение его с нашей точки зрения представляется необходимым.

«Бытие есть непосредственное. Так как познание хочет познать истину того, что такое бытие в себе и для себя, то познание не останавливается на непосредственном и его определениях, но проникает через них в предположении, что за этим бытием есть еще нечто иное, чем само бытие, что эта основа составляет истину бытия. Это познание есть познание опосредованное, т. к. оно не находится непосредственно при сущности и в сущности, но начинается с другого, с бытия, и должно пройти предварительный путь, путь выхода за бытие или, правильнее, вхождение в оно»³⁸. Так начинает

³⁶ Там же, стр. 113.

³⁷ ВОЛОШИНОВ, стр. 83—4.

³⁸ ГЕГЕЛЬ, Наука логики, ч. 1, 1916 г., стр. 1.

ГЕГЕЛЬ свое развертывание понятия сущности. Абсолютная сущность не имеет существования, но она должна перейти в существование. Она нечто отвлеченное и притом существенное, противопоставляемое некоторой конкретности, как не существенности.

[«]Сущность противостоит кажимости, видимости, но последние не противостоят как иное, первой, а равно и наоборот. Хотя миру явлений противостоит рефлексированный в себе, сущий в себе мир»³⁹, но они не различны как факты, они различимы только как осмысления единого факта, «т. е., — говорит Ленин, — несущественное кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как сущность. Например: движение реки — пена сверху и глубокое течение внизу. Но и пена есть выражение сущности»⁴⁰. По мнению ЛЕНИНА, кажущееся есть сущность в некотором ее определении, в известном ее моменте, в одной из ее сторон. Сущность всегда кажется чем-то. Эта кажимость есть явление сущности в самом себе⁴¹. ГЕГЕЛЬ по этому поводу говорит, «что видимость есть сама сущность, но сущность в некоторой определенности, при том так, что последняя есть лишь момент сущности, а сущность есть видимость себя внутри себя самой»⁴².

По КАНТУ, многообразии действительности есть нечто непосредственное, или видимость, т. е. указанное многообразие отрывалось от сущности и противопоставлялось последней (именуемой в данном случае «вещью в себе») как «отдельный факт». Он «не позволял себе смотреть на познание, как на знание вещи в себе; эта видимость вообще не должна была иметь никакой основы бытия, в ее познание не должна была вступать вещь в себе»⁴³, а между тем, определения, отличающие видимость от сущности — суть определения самой сущности. Этим объясняется, что пена есть известная сторона водного потока, что очередь у магазинов выражает собою некоторым образом сущность состояния рынка.

Итак, сущность и видимость не отдельные факты, а некоторое единство; они различимы, но не различны. Но таким образом сущность не есть нечто неподвижное, ибо видимость ее есть калейдоскопическая смена всяких явлений, непрерывное течение (становление) и изменение. Сущность «содержит видимость внутри себя самой, как бесконечное движение внутри себя»⁴⁴. Сущность «... есть то, что она есть... через собственное движение бытия»⁴⁵. Но движение, как показали классики марксизма, суть всегда противоречие. Нет вещей, находящихся в абсолютном покое. Вследствие этого «все вещи, — говорит ГЕГЕЛЬ, — в самих себе противоречивы; и именно смысл этого предложения таков, что он сравнительно с прочими более всего выражает истину и сущность вещей»⁴⁶. Но результатом противоречивых тенден-

³⁶ ГЕГЕЛЬ, Наука логики, ч. 1, 1916 г., стр. 75.

⁴⁰ Ленинский сборник, IX, стр. 107.

⁴¹ Там же, стр. 113.

⁴² Н[аука]. Л[огика; далее в сносках — Н. Л. — ред.]. ч. II, стр. 8.

⁴³ [В оригинале текст сноски отсутствует. — ред.]

⁴⁴ Там же, стр. 2.

⁴⁵ Там же, стр. 42.

⁴⁶ Там же, стр. 43.

ций, заложенных в вещах, не является нуль; они разрешаются вих единстве, в их тождестве. «Тождество противоположностей, — говорит ЛЕНИН, —... есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа, и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их спонтанном развитии, в их живой связи, есть познание их, как единства противоположностей»⁴⁷. В этом заключается разрешенное противоречие, которое есть сущность, определяемая, как единство, превращающееся таким образом в основание.

Сущность должна являться, — такова первая фраза ГЕГЕЛЯ в отделе о явлении. «Явление, говорит он, — есть... ближайшим образом сущность в своем осуществлении»⁴⁸; оно есть единство видимости и осуществления, что не равно единству сущности и осуществления. Оно есть нечто переменное, изменчивое, беспокойное в противоположность сущности. Но при всем том, в нем наблюдается относительно устойчивое состояние, которое есть закон явления. «Закон есть прочно остающееся в явлении». «Закон идентичное в явлении»⁴⁹, — такие заметки делает ЛЕНИН на полях конспекта «Науки логики» ГЕГЕЛЯ, оставаясь в совершенном согласии с последним, который писал: «Закон не потусторонен явлению, но непосредственно присущ последнему; царство законов есть покоящийся образ осуществляющегося или являющегося мира»⁵⁰, покоящееся содержание явление [явления? Так в оригинале. — ред.]. Явление есть то же самое содержание, представляющееся, однако, в беспокойной смене, в непрерывном движении и изменении. Поэтому закон относительно явления есть некоторая неполнота, так как последнее содержит в себе закон и еще более, именно: самоформирование сущности. Поэтому, в частности «явление есть то, что есть вещь в себе или истина последней»⁵¹. Оно не есть только беспокойное, но и покойное; оно не есть только движение, но и устойчивость.

Итак, видимый мир есть мир явлений, который противопоставляется мыслию миру сущностей, вещей в себе, как некоторое осмысление, представляющееся посюсторонним миру сущностей. Эту мысль ЛЕНИН в отношении ступеней познания действительности выразил так: «Мир явлений и мир в себе суть моменты познания природы человеком, ступени, изменения и углубления (познания). Передвижка мира в себе все дальше и дальше от мира явлений, — вот чего не видно пока еще у ГЕГЕЛЯ»⁵². Вот в чем, добавим от себя, заключается процесс познания истины, как объективной категории. После этого становится понятным определение явления, как единства видимости и осуществления в отличие от единства сущности и осуществления определяемого как действительность.

Действительность, поскольку она реальна, всегда формальна. Все реально существующее по необходимости обладает формой; последнее не есть не-

⁴⁷ ЛЕНИН, Сочинения, т. XIII.

⁴⁸ Н. Л., ч. III, стр. 90.

⁴⁹ ЛЕНИНСКИЙ сборник IX, стр. 149.

⁵⁰ Н. Л., ч. II, стр. 94.

⁵¹ Там же, стр. 75.

⁵² Ленинский сборник, 9, стр. 151.

что независимое и отдельное от сущности; наоборот, форма суть специфическая определенность сущности. По мнению ГЕГЕЛЯ, сущности в ее осуществлении свойственна форма и ее определения. «К форме относится вообще все определенное, — говорит ГЕГЕЛЬ, — оно есть определение формы, поскольку оно есть положенное и тем самым отличное от того, чему оно служит формой»⁵³. Форма предполагает сущность, без нее она фикция; сущность, наоборот, полагает форму, т. к. «сущность сформирована так или иначе в зависимости и от сущности»⁵⁴. Форма всегда существенна.

Выше было указано, что сущности свойственно движение, что она «содержит видимости внутри себя самой, как бесконечное движение внутри себя». Определенность этого движения есть также форма. Сущности свойственна противоречивая природа: в ней заключается момент обоснованного и момент обоснования, т. к. сущность одновременно может являться основанием и обоснованием⁵⁵. В этих своих проявлениях и определениях она определена и, таким образом, обладает формой; последняя, как специфическая определенность сущности, противостоит ей, как некоторой отвлеченности и неопределенности.

С другой стороны, форма противостоит видимости, непосредственности, как дальше стоящее от них по пути познания мира вглубь. Если ГЕГЕЛЬ говорил, что сущность «занимает место между понятием и бытием», что она «составляет средину между ними»⁵⁶, то форма, можно сказать, занимает среднее место между сущностью и видимостью: она, таким образом, есть также ступень в познании объективной действительности. Форма может быть неизменна при изменении видимости: она нечто более устойчивая [*устойчивое?* Так в оригинале — *ред.*], чем эта последняя. Само собой разумеется, что видимость не определяется здесь в качестве некоторой отдельности по отношению к форме; они только различимы в своей сплошной единичности.

Развитие сущности есть одновременно изменение формы. Здесь процесс один и тот же. В своей неопределенности по отношению к своей форме он (процесс) есть сущность; первая же есть его окончательная, видимая определенность. В своем самодвижении сущность может стать (сделаться ставшей) и таким образом приобрести некоторую определенность, следовательно, форму; но далее без существенного изменения самой себя, сущность может менять свою Форму, т. е. свою данность, находя все лучшее оформление. При известном накоплении этих изменений самой себя, сущность качественно изменится, и в своей определенности станет в качественно новой форме; она станет в своем осуществлении новой «мерой», под которой разумеется единство качества и количества. Дальнейшее самодвижение сущности повторит формально те же этапы.

При своей неопределенности по отношению к форме, сущность может

⁵³ ЛН. Л., ч. II, стр. 49.

⁵⁴ Ленинский сборник, IX, стр. 135.

⁵⁵ Н. Л., ч. II, стр. 3.

⁵⁶ [В оригинале текст сноски отсутствует. См. соответствующий фрагмент в более позднем издании: Г. В. . Ф. Гегель Наука Логике, ч. II, в кн.: Философия от античности до современности, т. IX, 2003, с. 9 — ред.]

быть некоторою определенностью в отношении к другому, а именно — к материи. Форма противостоит сущности, но, равным образом, она противостоит и материи. «Сущность, — говорит ГЕГЕЛЬ, — становится материей, поскольку ее рефлексия определяет себя относительно к ней (сущности), как к безформенному. Материя есть, таким образом, простое неразличимое тождество, которое есть сущность с определением быть другим относительно форму»⁵⁷ [формы? Так в оригинале. — ред.] «Если сущность есть некоторая неопределенность, которая относится к своей определенности, как основание к своему положению, то, как таковое, она есть определенность в своем отношении к материи. Последняя остается результатом отвлечения от всяких определений, от всякой формы чего-либо. Материя есть нечто отвлеченное; ее нельзя видеть, осязать, и т. д., так как то, что видят, осязают есть уже определенная материя, т. е. единство формы и материи»⁵⁸.

Материя, как и сущность, полагает форму; последняя же предполагает первую. Они не противостоят друг другу внешне они не раздельны, не делимы, но только различимы. «То, что является деятельностью формы, есть далее в той же мере собственное движение самой материи»⁵⁹, — говорит ГЕГЕЛЬ, — и развивая далее свои взгляды, он утверждает, что «... действие формы и движение материи есть одно и то же. . Материя, как таковая, определена или необходимо имеет форму, а форма есть просто материальная устойчивая форма»⁶⁰.

Наше различие материи и сущности можно иллюстрировать следующим примером. Допустим, что мы имеем 3 ведра: железное, цинковое и медное. Материя их различна, как различны могут быть их формы; но сущность остается одна и та же. Она не определена по отношению к своему положению, т. е. к форме каждого ведра, но она определена по отношению к материи, которая в самой себе допускает возможность образования многих других сущностей и их форм.

Единство формы и материи есть содержание, которое, таким образом, «имеет некоторую форму и некоторую материю», а единство сущности и формы есть смысл. Таким образом, смысл противостоит сущности и форме, материи и форме, как некоторое единство, определяемое в качестве вторичного образования в категориальной структуре целого. Это единство не равняется сумме своих противоречивых «компонентов»; оно не есть их сумма — оно есть третья, в котором отрицается самостоятельное существование и содержание входящих в единство категорий и включает в себя нечто новое, не содержащееся ни в одной из его категорий. Эти категории, приходя в единство, снимают сами с себя и полагают себя в своем отрицании, в третьем, как в самостоятельной и полагающей для себя категории.

Все вещи мира духовного и материального, социального и биологического имеют свою материю и свою форму и, таким образом, некоторое содержание, противостоящее их смыслу, единству их сущности и формы. Все существующее, данное как неделимая единичность, как относительная устойчи-

⁵⁷ Н. Л., ч. II, стр. 51.

⁵⁸ Там же, стр. 51.

⁵⁹ Н. Л. ч. II, стр. 51.

⁶⁰ Там же, стр. 53, 54.

вость, как неповторимая «индивидуальность», специфическая физиономия, имеет свой смысл, который кладет свою печать на каждый элемент реально существующей «вещи», вследствие чего каждый такой элемент светится светом целого, светом смысла. Будучи вырванным из состава целого, он теряет свое качество положения и приобретает некоторую самостоятельность, которая лишает его возможности быть представителем целого, его смысла. О нем можно судить только по нем или, что то же, о целом можно судить только по целому, так как отдельный факт приобретает свое истинное бытие, только в целом, которое есть отрицание их отдельности в их самостоятельности.

Язык, как целостное единство

Преыдущие суждения о смысле, очевидно, должны лечь в основание суждений о языке, ибо ни при каком ином взгляде мы не можем обрести его единство. Но при ближайшем рассмотрении вопрос оказывается чрезвычайно сложным. Дело заключается в том, что на Земном шаре существует бесчисленное множество языков. На первый взгляд их пестрота кажется хаосом, в котором трудно разобраться. В таком случае мысль склонна приходить к таким заключениям, которые приводят к признанию принципиальной невозможности проведения границ между разными языками (т. е. определения их единства); вследствие чего создается необходимость утверждать, что в каждом языке заключены в разных количественных пропорциях черты, присущие большинству других языков. Таким образом, определение «чистых типов» языка становится невозможным. Невозможность эта определена просто тем, что по этому взгляду их нет: все языки представляют собою различные суммы или сочетание некоторых черт, представленных в определенных количественных соотношениях. И, действительно, язык представляет собою чрезвычайное множество частных; это бездна слов, оборотов и других особенностей на первый взгляд всегда кажется каким-то хаосом при всякой их сортировке. Желая определить действительное место тех или других языков, некоторые представители языковедения склонны отыскивать в них одну или несколько черт, которые могли бы служить достаточным основанием определения этого места. А между тем, с точки зрения материалистической диалектики, эта операция не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики. Для определения общего характера языка и, таким образом, его места в ряду других языков мира необходимо отыскать общий связующий источник, к которому сходились бы все эти частности языка и приобретали бы здесь свое единство; словом, необходимо соединить эти различные и разрозненные элементы в одно органическое целое так, чтобы это целое стало новой реальностью, в которой нашли бы свое отрицание отдельные частности.

Только эта точка зрения позволяет наметить правильный подход к определению действительного отношения языков. По основному положению этой точки зрения, язык тождествен сам с собою и, таким образом, он есть неделимая единичность всех своих моментов. Эта мысль ясна и не требует особых доказательств. В самом деле, для того, чтобы что-либо было чем-то,

надо, чтобы оно было само собою, т. е. тождественно само себе, неделимо само в себе. В противном случае эта реальная совокупность или, что то же, совокупная целостность, есть механистическая смесь своих моментов, и, собственно, не есть то, что оно есть, т. е. не есть живое целое. Язык во всех своих частностях един; он присутствует в них со всеми своими определениями.

При этом не следует думать, что изложенные суждения предполагают необходимость абсолютизировать в известной антиномии одну из ее сторон, по которой язык, превращаясь в сплошную единичность, абсолютное само-тождество, не способен ни на какое развитие. Что бы существовать, нужно различаться в самом себе. Язык, поскольку он как сложное явление развивается, не может быть сплошной неделимостью, неразличимой точкой. Язык, как таковой, действительно, неделимая единичность но такая, которая состоит из известных частей, приведенных в нужную координацию. Язык одновременно и тождественен с собою и не тождественен; он делим и неделим; но делим так, что печать целого лежит на каждой его части; он не есть просто смесь; он не позволит рассматривать каждую свою часть независимо от других с намерением судить по ней о целом; в такой роли не может выступить никакая часть, никакая черта, т. к. на всех них «почиет» стихия целого. О языке можно судить только по существу этой последней. Лучшим представителем такой точки зрения на язык был Вильгельм фон ГУМБОЛЬДТ. Он говорил, что язык есть деятельность духа, но деятельность эта закономерна, «она имеет постоянный, одинаковый образ действия: потому что она производится силой, которая в своем различии не может простирается далее определенных ей границ»⁶¹. «Постоянное и однообразное в этой деятельности духа, претворяющей органический звук в выражение мысли, быв [Так в оригинале. — ред.] понято в полной совокупности и представлено систематически, составит, — говорит ГУМБОЛЬДТ, — то, что мы называем формой языка»⁶², или, по-нашему, стихией целого, единством направленности всех частных его моментов. По мнению ГУМБОЛЬДТА, стихию целого уловить весьма трудно, ибо действительность, когда мы ее изучаем, представляется нам только своими моментами; и наши знания о ней составляются из дробных единиц. Но, тем не менее, стихия и не есть фикция или иная абстракция, не соответствующая действительности. Она реальна; она проходит через все дробные моменты языка, образуя их единство; она живая, целостная и во всех частностях устойчивая реальность. Указанная трудность в том и заключается, что «общее впечатление, — говорит Гумбольдт, — как нельзя более ясно и убедительно дает чувствовать известные свойства языка, а между тем, чувство этого никак не удается уловить отчетливою мыслию и изложить удовлетворительно. Трудность эта предстоит нам и здесь. Характеристическая форма (т. е. стихия целого, Л. Т.) отражается на каждом из его самых мелких элементов, каждая частность непременно как-нибудь определяется ею; но между отдельными пунктами в языке едва ли можно указать такие, которые одни могли бы быть достаточными характерной формы

⁶¹ ГУМБОЛЬДТ, О различии организмов человеческого языка..., СПб. 1859 г. Стр 41—42.

⁶² Там же, стр. 42.

языка. Всякий язык в подробностях своего материала представляет весьма много такого, что можно понимать и так, и иначе, без всякого различия для понятия о форме. Чтобы добиться определенности этого понятия, видишь себя принужденным обращаться к общему впечатлению. Здесь с первого взгляда находишь совсем иное. Индивидуальность резко бросается в глаза и ощутительно дает себя узнать чувству. Языки в этом отношении точь-в-точь, что физиономии: сравнивая их между собою, живо чувствуешь особенности и ясно видишь сходство; а между тем чувства этого не подведешь ни под какой масштаб, и никакое описание потребностей ни по одиночке, ни в совокупности не даст удовлетворительного понятия об индивидуальной особенности той или другой физиономии»⁶³. Стихия целого состоит в единстве направленности всех моментов языка, в единстве их освещения из одной точки.

Эту стихию уловить весьма трудно потому, что она не заключается в какой либо одной или нескольких чертах, но тем не менее только она представляет нам возможность «постижения таин языка» и объяснения существа его. Если пренебречь этой возможностью, то мы необходимо должны иные черты языка выдвинуть в качестве принципиально достаточных, иные отказаться объяснять при возможности их объяснения, иные просто не заметить и вообще видеть только разрозненные факты там, где язык представляется живою цельностью. Для примера подобного рода подходов к языку можно указать на способ определения основного начала языка несколькими чертами. Речь идет о яфетической теории. Представители ее определяют типологию языков по тому или другому количеству основных черт (координатов) и находят их в различных количественных комбинациях во многих других не соотносящихся языках. Таким именно путем они приходят к установлению пунктов схождения известных языковых систем и их соотношения («родства»). А между тем, «суждения об однород[но]сти и родстве языков, — говорит ГУМБОЛЬДТ, — должно основываться на тождестве и родстве их по форме»⁶⁴, т. е. по единству направленности их черт. Только последнее решает к какой системе языков принадлежит известный язык по своему генетическому родству и определяет вообще соотношение языков. Никакая отдельная черта (или сумма их) не способна служить достаточным основанием для решения таких вопросов.

Это единство направленности есть ничто иное, как одинаковая и относительно устойчивая точка зрения языка на свои частности. Такая специфическая точка зрения, или единство воззрения есть в каждом языке. И новые подрастающие поколения, усваивающие язык своих родителей, усваивают прежде всего это единство воззрения, а не сумму слов и оборотов. По мнению ГУМБОЛЬДТА, «... мы только тогда получим настоящее понятие о самом языке, когда исследование, начинаясь с отдельных элементов, найдет в них единство воззрения»⁶⁵. В противном случае мы не только не поймем общего характера языка, но и его частных в их отдельности и самостоя-

⁶¹ ГУМБОЛЬДТ, стр. 42—43.

⁶⁴ Там же, стр. 46.

⁶⁵ ГУМБОЛЬДТ, стр. 46.

тельности. В каждом индивидуальном языке так или иначе преломляется это единство воззрения общего языка. Печать его лежит также и на отдельных высказываниях. Мы уже отмечали, что речь — словесный поток, в котором отдельные высказывания людей представляют собою известные островки устойчивости и оформленности в себе, но на каждом из них отражается стихия целого вне которой определение отдельных высказываний невозможно, т. к. они полагают себя отрицательным в целом, единство которого дано в единстве воззрения. Эти основные понятия не позволяют нам говорить об изменении стихии целого, единство [Так в оригинале. — ред.] воззрения языка при изменении одной или нескольких его черт. А между тем, по мнению некоторых яфетидологов, изменение или уничтожение одной координаты ведет к изменению всей системы, т. е. качества языка. Таково их понимание категории качества: оно сводит ее [его? Так в оригинале. — ред.] к простому количеству. Только достаточное и в каждом отдельном случае различное накопление этих черт может привести к изменению единства их направленности, стихии целого, т. е. качество языка. При недостаточном их накоплении язык может оставаться в старом своем качестве. Так, например, потеря английским языком многих, так называемых грамматических форм, не означает переход его в аморфное состояние языков. Точка зрения флексии пока еще входит в каждую мелочь языка независимо от потери той или другой формы. Наша точка зрения приводит нас к необходимости включения в круг исследования самых мальчайших черт языка, которые при другом взгляде могли быть незамеченными. При этом, избегать мелочных и элементарных изысканий нельзя, т. к. именно из мелочей составляется общий характер языка. По мнению ГУМБОЛЬДТА, нет ничего несообразнее с основами учения о языке, как желание искать в языках «только высокого, идеального, господствующего над массой фактов». Детальный разбор языка необходим, в противном случае всегда возможны поверхностные взгляды и ложные суждения. «Само собой разумеется, — говорит ГУМБОЛЬДТ, — что эти мелочи входят в понятие формы не в виде отдельных изолированных фактов, а только в той мере, в какой обнаруживают методу образования языка»⁶¹, т. е. характеризуют единство направленности всех его смысловых моментов. Таким образом, наша мысль о единстве воззрения, о стихии целого не равняется одной какой либо черте, хотя бы и основной. Точка зрения целого не есть точка зрения его части.

Но изложенными соображениями отношение целого и частей не исчерпывается, т. к. мы не можем абсолютно отделить целое от его частей. Оно тождественно с каждой частью и, в тоже время, противоположно им. Оно не может быть только тождественно с ними потому, что тогда оно перестало бы быть целым, оно также не может быть только противоположно им потому, что тогда оно с ними не имело бы никакой соотносительности. «Говорят правда, — пишет ГЕГЕЛЬ, — что животное состоит из костей, мускулов, нервов и т. д., однако непосредственно ясно, что это не имеет того смысла, который имеет высказывание, что кусок гранита состоит из вышеназванных веществ. Эти вещества относятся совершенно равнодушно к своему со-

⁶¹ ГУМБОЛЬДТ, стр. 45.

единению и могут столь же прекрасно существовать и без этого соединения; различные же части и члены органического целого сохраняются только в их соединении, и, отделенные друг от друга, они перестают существовать, как таковые»⁶⁷. Поэтому совершенно неверна мысль НИЦШЕ о том, что «Человек это — желудок». Неверна потому, что «во-первых, отношение целого к частей в высших областях таково, что целое и части взаимно предполагаются и обуславливаются. Части и целое — в организме, например, одинаково первичны, т. е. ни одна из этих сторон не отличается особыми преимуществами перед другой. Целое и части всегда существуют вместе. Во вторых, ни целое, ни части, в особенности в органическом и социальном мире, не даны, а возникают путем развития в это возникновение, этот процесс развития происходит таким образом, что вместе с целым развиваются и части и вместе с частями развивается целое. Отделить одно от другого совершенно невозможно»⁶⁸.

Итак, определения целого заключаются в положении его частей, как таковых, и в отрицании их, как особых самостоятельности. Целое не есть часть. Но тогда в чем же дано их единство? Если мы от целого отнимем одну часть, то оно очевидно должно измениться. В противном случае мы могли бы все целое разобрать по частям и оно оставалось бы целым, что совершенно невозможно. Но если мы при изменении или удалении одной части из целого предполагаем его «качественное» изменение, то мы, очевидно, переходим на количественно-механическую точку зрения.

Единство целого, как такового, и его частей, как таковых, дано, по мнению ГЕГЕЛЯ, в особой силе, которая в своем проявлении обнаруживает себя в соединенных частях определяемых, как целое. Эта сила есть сущность. То, что мы в предыдущем изложении называли единством направленности черт языка, единством его воззрения, стихию целого, мы называем теперь одним термином — сущностью.

Мы уже отмечали, что язык ближайшим образом относится к области коммуникативной деятельности, объективируемой артикулированными звуками. Последняя, определяемая как действительность, очевидно должна различаться в своей внутренней структуре по категориям сущности, материи формы, содержания и смысла.

Определяемая как содержание, коммуникативная деятельность человека есть мысль, материал, знания человека, его понятие или, по другому выражению, система *conceptus-ov*. Эта область определяется ближайшими условиями существования человека и его производства.

Определяемая как явление, она есть поток словесного поведения человека, речь, вообще то, что понимает под языком ВОЛОШИНОВ. Этот поток состоит из замкнуто организованных единиц, элементами которых являются слова. Познание языка, как непрерывной деятельности, есть одна из первых ступеней его познания вообще.

Определяемая как специфическая определенность известным образом организованных единиц речевого потока, она есть форма вообще, данная, од-

⁶⁷ ГЕГЕЛЬ, сочинения 2, т. 1, ГИЗ, 1929 г, стр. 217.

⁶⁸ ДЕБОРИН, ГЕГЕЛЬ и диалектический материализм (Вступ. ст. «соч. ГЕГЕЛЯ» 2, стр. 38)

нако, каждый раз в некоторой индивидуальной оформленности единиц нашей речи. В различных языках принцип построения вышеназванных единиц различен. Этим различием определяется различие в строении языков вообще.

Определяемая как сущность, лежащая в основании производства указанных организованных единиц, она есть метод, способ их образования или, что то же, определяемая как метод, способ их образования, она есть сущность. Понятие формы у ГУМБОЛЬДТА разлагается и оформляется нами в два понятия: сущности и формы. Первое понятие близко подходит к понятию внутренней формы слова, которую разработал Август [*Густав?* Так в оригинале. — *ред.*] ШПЕТ⁶⁹. Но мы не можем согласиться с его общим учением о форме и с применением его к языку. В этом пункте он провозглашает принципы АРИСТОТЕЛЯ. Внутренняя форма, по мнению ШПЕТА, есть форма форм, последняя форма, которая служит началом всех других образований в языке. «В этом, — пишет ШПЕТ, — высшее и безотносительное положение внутренней формы интеллектуальных форм, и в этом же ее законоопределяющая устойчивость»⁷⁰. Эти положения совершенно согласуются с учением АРИСТОТЕЛЯ об абсолютной форме, по которому последняя есть имматериальное начало формообразования материи. По мнению ШПЕТА, внутренняя форма «это не схема и не формула, а прием, способ, метод формообразования слова-понятия»⁷¹. В другом месте он говорит, что внутренняя форма слова содержит в себе имманентные законы словесно-логической структуры и, таким образом, изначальную данность всех языковых явлений. Эта сторона философии ШПЕТА уже отмечена в русской литературе.

В противоположность ШПЕТУ мы полагаем, что коммуникативная деятельность, определяемая как часть целого, т. е. общества, есть производительная деятельность производного порядка и, таким образом, истинное свое бытие всякая коммуникация (и, следовательно, язык) находит в обществе. В этом положении законы языка снимают свою самостоятельность, входя в органический состав целого.

Единство сущности (в указанном смысле) и формы (как она дана у нас) есть язык или, что тоже, смысл коммуникативной деятельности. Таким образом, язык не есть абстрактная система норм так же, как не есть он только непрерывный поток изменения. Он — смысл коммуникативной деятельности, и потому в своем беспредельном развитии он сохраняет единство и свою «индивидуальную физиономию».

В этом смысле язык есть некоторая единичность или, лучше сказать, совокупная целостность. В этом определении он остается несмотря на то, что непосредственность его есть речевой поток, персонифицирующийся в лицах. Наше утверждение право постольку, поскольку право аналогичное суждение об обществе, непосредственность которого есть также непрерывный поток людских взаимодействий.

⁶⁹ Внутренняя форма слова, [Шпет, Г. Г.] ГАХН, 1928

⁷⁰ Внутренняя форма слова, ГАХН, 1928, стр. 107

⁷¹ Шпет, стр. 117

На этом можно закончить анализ некоторых категорий бытия применительно к языку. Причем, совершенно очевидно, что изложенный анализ отличается присоединением к категориям бытия некоторых существенных отношений. Автор полагает, что при этом подходе анализ непосредственно языка выигрывает в некоторой глубине. Таким образом, представляется совершенно справедливым мнение некоторых философов о том, что категории сущности в «Науке логики» ГЕГЕЛЯ безмолвно присутствуют в наличии его исследований о категориях бытия. Но тем не менее, суждения о сущности не составляют предмета данной работы; они должны составить новый цикл мыслей, где должно быть разрешено конкретное понятие сущности, структуры и значения. Этот круг мыслей должен составить содержание особой работы.

ПЕРЕЧЕНЬ*
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ АВТОРОМ
ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ДИПЛОМНОЙ РАБОТЫ.

А. Основная литература по лингвистическому разряду.

1. Курсы по общему языковедению (УШАКОВ, ТОМСОН, ПОРЖЕЗИНСКИЙ, КУДРЯВСКИЙ, БУЗУК, Бодуэн де КУРТЕНЭ и ПЕТЕРСОН)
2. ГУМБОЛЬДТ, о различии организмов чекловеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Перев. БИЛЯРСКОГО, СПб., 1859.
3. ГАЙМ, Вильгельм фон Гумбольдт, М., 1899.
4. ШПЕТ, Внутренняя форма слова, М., ГАХН, 1924.
5. ПОТЕБНЯ, Мысль и язык, Полн. собр. соч., т. I, ГИЗ Укр., 1925 г.
6. ПОТЕБНЯ, Народность и язык, —
7. —, Из записок по русской грамматике, ч. I, п. III.
8. НУАРЭ, Орудия труда, ГИЗ Украины, 1925 г.
9. —, Макс Мюллер и философия языка, ЖИНП, 1889, июль и август.
10. Макс МЮЛЛЕР, Наука о языке, Воронеж, 1864.
11. МЕЙЕ, Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков, Пер. Кудр., Юрьев, 1911.
12. [В оригинале текст библиографической ссылки под п. 12 отсутствует. — *ред.*]
13. БУСЛАЕВ, Историческая грамматика русского языка, М., 1881 г.
14. ПОГОДИН, Язык, как творчество: Вопросы теории и логики творчества, т. I, Харьков, 1913 г.
15. ШОР, Кризис современной лингвистики, Яфетич. сб. V, 1924.
16. ШАХМАТОВ, Очерки современного литературного языка. Лен-

*Приводимый ниже перечень литературы по своему количеству приблизителен. По техническим обстоятельствам автор не мог внести в перечень значительное количество использованной литературы.

ГИЗ, 1925 г.

17. ФОРТУНАТОВ, О преподавании грамматики русского языка в средних учебных заведениях, Труды перв. съезда преп. рус. яз. военно-учеб. зав., 1903 г.

18. МАРР, По этапам развития яфетической теории, Изд. Института, М.—Л., 1926 г.

19. —, Яфетическая теория, АзГИЗ, Баку, 1927 г.

20. —, Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории, изд. Ком. Ак., М. 1929.

21. МЕЩАНИНОВ, Введение в яфетидологию, Прибой, Л., 1929 г.

22. ВОЛОШИНОВ, Марксизм и философия языка, Прибой, Л., 1929 г.

23. Материализм и языковедение, сб. ст., Прибой, 1929 г.

24. ПЕТЕРСОН, Язык, как социальное явление, Ученые записки инст. языка и лит. РАНИОН. М., 1927, т. I.

Б. Вспомогательная литература по лингвистическому разряду.

1. ШОР, Язык и общество, Раб. Просв., изд. 2, М., 1926 г.

2. ШОР, Выражение и значение, Ученые записки инст. языка и лит. РАНИОН, М., 1927, т. 1

3. ПЕТЕРСОН, Синтаксис, ГИЗ, М.—Л., 1923 г.

4. ДАНИЛОВ, К вопросу о Марксистской лингвистике, Журн. «Литер. и Маркс.», кн. 6, 1928 г.

5. ГРИГОРЬЕВ, Внутренняя форма слова, журн. «Лит. и Маркс.», кн. 6, 1928 г.

6. НЕМИРОВСКИЙ, Язык и культура, Владикавказ, 1928 г.

7. Яфетическая теория и марксизм. Доклад Ковалева и прения, журн. «Проблемы марксизма», 1928 г.

8. АСМУС, Философия языка В. фон Гумбольдта в интерпретации т. ШПЕТА, Вест. Ком. Акад., № 23.

9. ШОР, Рецензия на указанную книгу ВОЛОШИНОВА, журн. «Рус. яз. в сов. шк.», № 3, 1929 г.

10. Аптекарь, Рецензия на указанную книгу ВОЛОШИНОВА . журн. «Русск. яз. в сов. шк.», № [в оригинале номер выпуска отсутствует, возможно, данная библиографическая справка ошибочна — ред.]

11. Аптекарь, Рецензия на сб. ст. «Матер. и языков. », журн. «Рус. яз. в сов. шк.», № [В оригинале номер выпуска отсутствует. — ред.]

Г. [«В» — ред.] Основная литература по социологическому разряду.

1. ГЕГЕЛЬ, энциклопедия философских наук:

а) ч. I, ГИЗ; М., 1929

б) ч. III, Москва, 1864, (Перев. Чижова)

2. ГЕГЕЛЬ, Наука логики, Петроград, 1916, (Перев. Дебольского)

3. ЛЕНИН, Материализм и эмпириокритицизм, ГИЗ, 1923

4. ЛЕНИН, Конспект «Н. Л.» ГЕГЕЛЯ, Лен. сб., IX, М., 1929 г.

5. АСМУС, Очерк истории диалектики в новой философии, ГИЗ, 1929 г.

6. СЕРЕЖНИКОВ, Очерки по истории философии, ч. I, ГИЗ, 1929 г.
7. ВИНДЕЛЬБАНД, История философии, СПб, 1898 г.
8. ШТЕКЛЬ, История новой философии, М., 1912 г.
9. РАЗУМОВСКИЙ, Курс теории исторического материализма, ГИЗ, М., 1929.
10. БУХАРИН, Теория исторического материализма, ГИЗ, М., 1929 г.
11. МАРКС, Капитал, т. I, ГИЗ, М., 1920 г.
12. БЕЛЬТОВ, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, ГИЗ, М., 1920 г.
13. МАРКС, Введение к критике политической экономии, ГИЗ, М., 1929 г.
14. ДЕБОРИН, ГЕГЕЛЬ и диалектический материализм Вст. ст. к соч. Гегеля, т. I, изд. 2, ГИЗ, 1929 г.
15. ГЕГЕЛЬ, Введение в философию, М., 1927 г.
16. Герфинг [*Гегфдинг. — ред.*], Учебник истории новой философии, ГИЗ, М.

Д. Вспомогательная литература по социологическому разряду.

1. СТОЛЯРОВ, Субъективизм механистов и проблема качества, Московск. Раб., Л., М., 1929 г.
2. СТОЛЯРОВ, Диалектический материализм и механисты, М., 1928 г.
3. САРАБЬЯНОВ, Беседы о марксизме, М., 1925 г.
4. КАРЕВ, За материалистическую диалектику, Мос. Раб., 1929 г.
5. ПЛАТОН, «Софист», «Кратил», Полн. собр. соч., т. V, М., 1874 г.
6. [В оригинале фамилия автора неразб. — *ред.*] Логика и диалектика, ГИЗ, 1928.
7. СТЕПАНОВ, Исторический материализм и современное естествознание, М., 1924 г.
8. ДЕБОРИН, Диалектика и естествознание, ГИЗ, 2, 1929 г.
9. АГОЛ, Витализм, механистический механизм [*«материализм».* — *ред.*] и марксизм, Моск. Раб.

Публикация подготовлена в рамках проекта «Зарождение и развитие социолингвистики в Советском Союзе, 1917—1938: институты, идеи, проблематика» («The rise of sociological linguistics in the Soviet Union, 1917—1938: Institutions, Ideas and Agendas»), осуществляемого при поддержке Совета по Гуманитарным Исследованиям (Arts and Humanities Research Council) Великобритании.